

Затем последовали годы дальнейших неустанных поисков. Уже в каждой из новых созданных Узеиром до революции опер — «Шейх Санан», «Рустам и Зохраб», «Шах Аббас и Хуршид Вану», «Асли и Керем», «Гарун и Лейла» — как и в каждой новой, параллельно создаваемой музыкальной комедии — «Муж и жена», «Не та, так эта» и «Аршин мал алан» — были черты нового то в драматургии, то в расширении жанровой сферы использованного фольклора, то в более творческом подходе к нему.

С установлением в Азербайджане Советской власти еще смелее и многограннее приложен Гаджибековым к азербайджанской музыке великий принцип реалистического творчества, которому Мусоргский придал форму крылатого лозунга — «Вперед, к новым берегам!» И теперь появление из-под пера Гаджибекова жанров, дотоле неизвестных азербайджанской музыке, диктуется запросами эпохи. И теперь, не уже при большом композиторском мастерстве, источником образной выразительности и приемов развития служит народное творчество. Но все меньше цитируется фольклор. Все более тонко пониманию неограниченных возможностей, заложенных в народной музыке, все более зрело осознание того, что воплощение этих возможностей, иногда глубоко скрытых, требует поиска и еще раз поиска. Примеры назвать недолго, но один из них особенно показателен.

Достаточно было Кара Караеву не так давно «чуть прикоснуться» к очаровательной «Ашугской» для скрипки, виолончели и фортепьяно Гаджибекова (первый образец азербайджанского трио), найти в своей транскрипции соответствующий духу и стилю пьесы оркестровый наряд, подчеркнуть индивидуальную краской каждый из голосов музыкальной ткани, как «запела» фактура гаджибековской пьесы, и стало очевидным, что ее создатель представлял неограниченность возможностей народной музыки на пути развития национальной полифонии.

Все органичнее в произведениях Гаджибекова советских лет синтез народных форм и форм, пришедших в азербайджанскую

музыку из классики, — русской и зарубежной, как путь создания новых форм, новых жанров, новых выразительных красок. Два шедевра на этой творческой магистральной — романсы-газели на стихи Низами «Сэнсиз» и «Севгили джанан» — подлинное чудо искусства, где так посвоему понято, так неповторимо разработано мугамовое начало. Другой шедевр — опера «Кер-оглы», вставшая в ряд лучших советских произведений, «крупного штриха», опера-фреска, героическая народная эпопея, одновременно исполненная задумчивой и чистой лиричности. В ее партитуре в высоком стилевом единстве переплавлены и воинственно-призывные интонации народных коллентивных плясок «Джанги» и «Яллы», характерные ашугские ритмы и попевки, грация женских танцев и узорчатые распевы мугамата. Но слушая «Кер-оглы», понимаешь, как любил и знал Гаджибеков мощные массовые сцены опер Бородина и Мусоргского, как ценил пластику вокального стиля Верди, понимаешь, что, великолепно драматург, он полностью разделял кредо Чайковского — опера не только слушается, но и смотрится.

Да, прочная опора на многовековые достижения народного искусства — таков был основной закон для Гаджибекова. Но никогда его творчество не несло в себе ни намека на индигенность у народа, на простое, механическое перенесение приемов фольклора в свои произведения. Подлинно народный художник, Гаджибеков никогда не замыкался в скорлупу узко национальной формы, шел навстречу многонациональным достижениям мировой музыки, и чем старше становился, тем богаче был арсенал выразительных средств его творчества. Он боролся против формалистических, самодовлеющих «экспериментов» в искусстве, но никогда — против правдивого, живого нового слова, против прогресса. Ибо никогда ни одного повторения достижений предшествующего периода не было в его собственном искусстве. Ибо не к воскрешению музыкального прошлого своего народа стремился он в музыке, а к тому, чтобы лучшие традиции народного искусства получили совре-

менное воплощение, отражали бы думы и чувства народа, идущего к новой жизни. Этот замечательный композитор-реалист, композитор-новатор, композитор — современный своей эпохи мог с чистым сердцем и ясным представлением о долге художника постараться четверть века назад свое имя под статьей, в которой рассказало о своем пути в музыке и которую озаглавил «От Лейли и Меджнуна» до «Кер-оглы».

АСЛЕДНИЕ Узеира Гаджибекова заключает в себе не только созданные им оперы, музыкальные комедии, хоры, песни и газели, инструментальные и оркестровые сочинения, обработки народных песен, научные труды, статьи, фельетоны. Наследия Гаджибекова — вся сегодняшняя азербайджанская музыка, потому что многие из ее преемственных связей ведут к творчеству Гаджибекова.

Легко увидеть их в песнях С. Рустамова и Ниязи, Т. Кулиева и Дж. Джангирова, А. Б. Разаева, Ш. Ахундовой. Песни — портреты советских людей, что живут и трудятся рядом с нами, живо переключаются с песнями Гаджибекова — «Комсомолка», «На хлопковых полях», «Сестра милосердия», «Материнское напутствие». И когда мы слушаем красочно-прихотливые инструментальные узоры симфонических мугамов Ф. Амирова или Ниязи, когда в сосредоточенной драматичности музыки симфоний Дж. Гаджибева возникают контуры старинных мугамов, когда в «Каравазе» С. Гаджибекова звучит тема в стиле «Хиджаз араби», не вспоминаем ли мы о мугамных фантазиях Узеира Гаджибекова для оркестра азербайджанских народных инструментов? Не оказалась ли своего воздействия особая любовь Узеира к ашугской музыке на образный строй партии Аслана («Вэтан» Караева и Дж. Гаджибева) или песни Атакиши («Севиль» Амирова), на музыку многочисленных инструментальных произведений — от фортепьянных пьесок А. Аббасова, до сферцо глубокой философской Третьей симфонии Караева, написанной самым новейшим сложным языком?

К этим примерам можно добавить много других, но не они — главное, когда речь идет о традициях Гаджибекова.

Сегодня, в век космических ракет и распределения энергии атома, когда в братской семье советских народов азербайджанский народ уверенно идет в коммунистическое завтра, искусство его не может жить простым повторением прошлого. Сама жизнь выдвигает перед художником новые темы и сюжеты, новые идеи. На их воплощение в музыкальных образах уже не достает прежних ресурсов выразительности. Надо ли удивляться, что шире и шире границы азербайджанской музыки? С какой невиданной стремительностью, с какой хорошей жадностью познает она, впитывает все новые и новые воздействия и традиции!

Теперь не только русская и зарубежная классика прошлого (истати, неизмеримо расширявшая свои пределы), но и классика настоящего становится объектом изучения и творческого преломления азербайджанскими композиторами. Прислушайтесь не только к произведениям «старших», но и к сочинениям молодых авторов: они освоили и взяли на вооружение реалистические традиции и приемы Баха, Дебюсси и Равеля, Шостаковича и Хачатуряна, Прокофьева и Бартока, Стравинского и Гершвина...

В азербайджанскую музыку, где по-новому зазвучал отечественный фольклор, органично вошел фольклор русский, грузинский, узбекский, болгарский, испанский, вьетнамский, турецкий, индийский, афганский... И каждого композитора привлекает то, что ближе его индивидуальности, что нужнее его замыслу, соответствует избранной теме.

Какие ярко самобытные композиторы творят сегодняшнюю музыку Азербайджана! Кара Караев, художник филлигранного мастерства и огромной культуры. Композитор, талант которого доступен и широкие философские обобщения, и высокий накал драматизма, живописная картинность и проникновенный лиризм. Композитор, отличающийся острым «чувством современности».

Щедрый и непосредственный

дар Фиррата Амирова, композитора-лирика, в то же время наделенного изысканно красочной палитрой, композитора, музыка которого проникнута ароматом народной поэзии... Виртуозный и оригинальный мастер оркестрового письма Султан Гаджибеков, создатель полнокровных жизнезастойных образов. Музыкант-драматург-строитель серьезных симфонических концепций — Дневлет Гаджиев. Горячий дар «массовости», общительности, доступности — в самом лучшем значении слова — музыки Тофика Кулиева. Но в ряду старшего поколения, к тем, кто назван здесь, и к тем, кто мог бы быть названным, уже необходимо присоединять и представителей других «возрастных категорий».

— Рауфа Гаджиева, Эльмира Назирова, Азера Рзаева, Арифа Меликова, Хайяма Мирзазаде, Мусу Мирзоева, Рамиза Мустафова, Назима Аливердибекова — и снова многих!..

Сравнивая в одном из своих дореволюционных фельетонах народ с садом, Узеир Гаджибеков писал: «Конечно, каждому хочется иметь в саду плодовые деревья и цветы, но для того, чтобы вырастить их, нужны условия, нужен заботливый садовник». Эту мысль Гаджибеков завершает смелым обобщением: «Пока садовником нашего сада является данное общество... цветам не цвести в нашем саду».

Прошло немногим более полувека, и расцвел прекрасный сад! Мир, еще до революции открывший двери для произведений Узеира Гаджибекова (не лишне напомнить, что комедия «Аршин мал алан» шла на сцене театров Армении, Грузии, Эстонии, России, Польши, Болгарии, Франции, Англии, Германии, Америки, Ирана, Египта, Китая), широко распахнул их для музыки Азербайджана и сегодня. Пожалуй, сейчас уже труднее назвать страну, где не звучала бы она, где не были бы известны имена лучших ее представителей, где не были бы понятны ее идеи и ее язык, реалистический и, ярко национальный, где не воспринималась бы она, как зная интернационализма, вместе со всей советской музыкой!

Людмила КАРАГИЧЕВА.